

Расина, так и для Шекспира источник трагического лежит в неограниченном индивидуализме утверждающегося в себе и для себя характера. И тот и другой видят в этом неограниченном индивидуализме не испорченность, не порочность того или другого социального или исторического типа, а трагическое начало человеческой природы и его проявление в содержании и судьбе того или другого, засвидетельствованного «преданием» характера.

У Шекспира этот характер многогранен и объемлен, и те же многогранность и объемность отличают все построение шекспировских трагедий. У Расина же содержание характера героя исчерпывается одной-двумя прямолинейно развивающимися или борющимися друг с другом страстями, а построение трагедии сведено к чисто логическим, «геометрическим» отношениям. И это различие отражает вскрытое Марксом общее направление становления материалистической мысли эпохи. Многогранная, играющая всеми красками «чувственность» шекспировского театра превращается в театре Расина в «абстрактную чувственность геометра»: между «диким» Шекспиром и «правильным» Расином стоит «неправильный» Корнель.

Поскольку критерий этической оценки лежит в сфере не общего, а только частного блага, а источник трагического — в самом человеке, а не вне его, в классицистической трагедии, среди ее главных, т. е. собственно трагических, персонажей нет ни положительных, ни отрицательных героев. Главные же и второстепенные герои определяются по принципу действительности или страдательности. Главный герой тот, в ком лежит трагическая коллизия. Он определяет не только свою собственную судьбу, но и судьбу других героев (Гермиона — судьбу Пирра и Ореста, Нерон — Британика и Юнии, Роксана — Аталиды и Баязета, Федра — Ипполита и т. д.). Второстепенные персонажи выступают или как объекты устремлений (страстей) главных героев, или просто в качестве наперсников. Только эти второстепенные персонажи рисуются прямолинейно как «совершенно порочные» или же «совершенно добродетельные». Но их добродетельность или порочность имеют значение не сами по себе, а только в той мере, в какой они помогают раскрытию характера и судьбы главных, собственно трагических героев. Последние же «порочны» только в той мере, в какой заслуживают постигшую их катастрофу, и достаточно «благородны» для того, чтобы вызвать к себе сочувствие зрителя.

Иначе говоря, трагический герой не может быть ни полностью положительным, ни полностью отрицательным; он должен быть несчастным. Расин постоянно говорит об этом «правиле» в предисловиях к своим трагедиям (особенно подробно в предисловии